

Памяти Н.Л. Лейдермана - учёного-литературоведа и гражданина

Опубликовано чт, 18/11/2010 - 05:33 пользователем Гость (не проверено)

«Представление о человеке из России, куда бы он ни приехал, должно ассоциироваться не с самым убойным в мире оружием, а с великими книгами русской литературы».

Из досье

6 сентября 2010 года перестало биться сердце Наума Лазаревича Лейдермана, известного учёного-литературоведа, о работах которого в области преподавания литературы знают большинство учителей нашего города, многие помнят его как одного из своих преподавателей в Уральском государственном педагогическом университете. Он несколько раз бывал в Снежинске с лекциями и семинарами по проблемам преподавания литературы XX века. На нашем сайте мы публикуем интервью с ним журналиста из Екатеринбурга Екатерины Шакшиной, которое было опубликовано ровно год назад в газете «Вечерний Екатеринбург», и статьи-беседы с ним в газете «Первое сентября. Литература».

P.S. К этому можно лишь добавить, что через несколько дней после кончины Н.Л. Лейдермана, вышел в свет, как он считал, главный итог его многолетней работы как учёного-теоретика – **«Теория жанра»**.

Краткая биография.

Наум Лазаревич ЛЕЙДЕРМАН родился 23 января 1939 года в Винницкой области, на Украине. Военное детство провёл в эвакуации — в городе Карабаше Челябинской области. Окончил школу в Одессе, а затем и филологический факультет Одесского университета (1961). Дипломная работа «Человек и война» (по произведениям Григория Бакланова и Юрия Бондарева) стала основой кандидатской диссертации, над которой он работал уже в нашем городе. Преподавательский стаж, как и стаж литературной и редакционной работы, начался с года переезда в Свердловск-Екатеринбург: с 1962-го.

Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Почётный профессор УрГПУ. Преподавал в зарубежных вузах, работал в качестве исследователя в Северо-Западном университете (Эванстон, США). Директор Института филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» при Уральском отделении Академии образования РФ. Член Союза российских писателей. Около 350 публикаций в научных изданиях, в литературно-художественных журналах — «Урал», «Знамя», «Новый мир», «Вопросы литературы»... Три десятка книг — монографий, сборников литературно-критических статей и учебных пособий. Сейчас в работе заключительные тома четырёхтомного учебника «Русская литература XX века» в издательстве «Academia».

В 1997 году вышел двухтомник «Современная русская литература: 1950—1990-е годы», написанный в соавторстве со старшим сыном, подписывающимся псевдонимом «Марк Липовецкий» (по фамилии прадеда). Марк ЛИПОВЕЦКИЙ — доктор филологических наук, профессор университета штата Колорадо (США).

Младший сын Илья ЛЕЙДЕРМАН — доктор медицинских наук, профессор Уральской медицинской академии. Жена Лиля Иосифовна многие годы работала старшим научным сотрудником в исследовательских институтах УНИХИМ и ВУХИН.

Профессор Наум ЛЕЙДЕРМАН:

«Без воспитания читателя у нас не будет порядочных людей...»

В ноябре в Москве состоялась вторая Ассамблея Русского мира, организованная одноимённым фондом. Год назад этот фонд был учреждён по указу Президента России, и Ассамблея подвела первые итоги работы «Русского мира», а также итоги

первой Международной научно-методической конференции филологов. Конференция «Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы» предваряла Ассамблею и проходила в Российском университете дружбы народов.

Екатеринбург представляли доктор филологических наук, профессор педагогического университета, известный писатель-литературовед Наум ЛЕЙДЕРМАН и заведующий кафедрой русской литературы XX века Уральского госуниверситета, тоже доктор филологии и профессор Леонид БЫКОВ (и тоже, кстати, один из недавних героев нашего «Вечерка»). Своим докладом Наум Лазаревич сдвинул ракурс дискуссии, «расширил рамки нашего мировидения», как написали ему вдогонку в Екатеринбург организаторы конференции. Кстати, екатеринбургский профессор стал одним из тех двоих участников конференции, кто был приглашён в Кремль, на президентский приём по случаю празднования Дня народного единства.

Профессор сам рассказал для читателей «Вечёрки», почему он выступил так, как выступил, почему учит так, как учит, и почему именно — русской литературе.

Новые старые ценности

— Мне сразу очень понравилось место работы Ассамблеи, — начал рассказ Наум Лазаревич Лейдерман. — Это библиотека Московского государственного университета, современная, замечательная, такая, какой и должна быть научная библиотека XXI века. Порадовало и название, выложенное над входом в библиотеку, — «Интеллектуальный центр».

— Чем же это название необычно?

— Тем, что здесь поставлен во главу угла интеллект. И потом, на встрече с Президентом Дмитрием МЕДВЕДЕВЫМ были сказаны хорошие слова, позволяющие верить, что сегодня на государственном уровне интеллект — востребованное человеческое качество, а интеллигентность вновь утверждается как нравственная ценность.

— Разве это и так не понятно?

— Понятно далеко не всем. А в реальной практике вообще совершенно недооценивается. И очень важно, что теперь это понято и зафиксировано именно на государственном уровне. В России после 1917 года произошёл катастрофический слом на уровне духовного бытия. Интеллигент, думающий человек стал фигурой подозрительной. Мало ли до чего он додумается? Инакомыслие пресекалось. Думаешь не так, как все? А если не как все, значит, ты — «супротив народа», диссидент эдакий. И точка. Под лозунгом «Весь мир насилья мы разрушим» порушили всё — веками проверенные духовные ценности, да ещё и глумливо издевались над ними.

А ведь в России (да и во всём мире) лидерами народа изначально были интеллигенты — только они выступали в облике отцов церкви, отшельников, старцев. Они не славились высокой производительностью в земледелии или кузнечном деле, но они были высокими профессионалами умственного труда — они умели думать. Их называли «книжниками», потому что они сидели над книгами и непрестанно были заняты думами о главном — что есть бытие, зачем человек явился на свет, как ему побеждать в себе зверя. И именно к ним шли крестьяне, рабочий люд, не стыдились ползти на коленях родовитые князья и даже цари. А зачем шли? Чтобы получить совет, почерпнуть мудрости, утешить душу. А потом стали обращаться за советам и к интеллигентам иного типа — к писателям и поэтам: омывали душу стихами Пушкина, вслушивались в горький смех Гоголя, примеряли к себе чеховскую «Скучную историю», а порой не фигурально, пешим ходом, шли, как в святое место, в Ясную Поляну, к

Льву Николаевичу...

И всё это было пущено под откос. Разрушив всё и вся, мы остались у разбитого корыта. Семьдесят лет под мудрым руководством партии шёл целенаправленный процесс люмпенизации общественного сознания. И, надо признать, прошёл успешно. Хамство утвердилось как признак прямоты и откровенности, грубость — как знак причастности к простой народной жизни...

— Но сегодня-то перемены очевидны...

— Одна из высших личностных и общественных прерогатив, которая начинает осознаваться нами теперь, — уровень образованности. В своё время меня очень удивил пущенный великим Солженицыным презрительный ярлык — «образованщина». Нам до «образованщины» ещё идти и идти. Нас душит «без-образованщина», «полу-образованщина». Ведь сейчас даже иной олигарх или государственный муж не может дотянуть фразу до точки. Главная же беда наша — интеллигентность ещё не осознана обществом как этическая норма. Это особый, доминантный принцип отношения человека к другому человеку: он не хуже, чем я, он тоже умеет мыслить и страдать, он тоже знает горе и радости, он тоже смертен, как и я.

Нам приходится восстанавливать авторитет духовной культуры и освободить понятие интеллигентности от люмпенского презрения. Это, если угодно, самая важная, самая трудная задача российского общества и, на мой взгляд, самая актуальная. Ведь буквально сиюминутная ситуация тому урок: выбираться из трудностей посредством кувалды или лопаты не получится, тут главный инструмент — мозги, знания, образованность, навык находить решения и быстро делать выбор.

— Вы относите интеллигентность и к личностным прерогативам?

— Потому что, как говорит наука, биологически человек — это животное, наделённое разумом. С первых своих сознательных шагов и до последнего вздоха человек вынужден вести борьбу за интеллигентность в самом себе, против того скота, который гнездится глубоко в кишках. С утра — чистить или не чистить зубы, уступить место в трамвае старику или уставиться в окно, отвечать или не отвечать грубостью на грубость, прогнуться под начальство или держать спину прямой и говорить то, что думаешь...

Это вроде бы чепуха, мелочи жизни. А на самом деле, если человек не будет постоянно блюсти свою душевную чистоплотность, то и всё остальное бессмысленно.

Идти по улице с двусторонним движением

— На международной конференции филологов вам пришлось оспаривать её концепцию. Почему же?

— Потому что сосредоточились на языке, а литературу «задвинули». Причина приоритета, отданного на конференции языку, понятна: резкое падение грамотности. Но как учить русскому языку без литературы? Не говорю уже о том, что во всём цивилизованном мире именно русская литературная классика воспринимается как кладёшь человечности. Только мы по отношению к этому бесценному богатству ведём себя, как нерадивые хозяева. А чтобы учить литературе, надо её знать прежде всего самим педагогам. Не ограничиваясь стереотипами старых хрестоматий, восполнять пробелы в собственном образовании, воплощать историю и теорию в методику. И спорить-то тут вроде не с чем.

— Но вы ведь спорили?

— Да, спорил. И у меня оказалось много единомышленников. Русский мир в своём международном качестве, русский язык как средство межнационального общения не должны напоминать улицу с односторонним движением. Мы хотим, чтобы нас знали, нам внимали, нас любили. Но настоящая любовь не бывает без взаимности. Я бы заменил ставшее расхожим слово «толерантность», означающее всего лишь — терпимость к иному, другими, более тёплыми словами: взаимное уважение, пробуждающее и побуждающее интерес к тем, кто на нас не похож, желание знать и понимать язык, обычаи и культуру народа-соседа. Мы разные — это же так интересно! Что мешает жителю уральского района, где преобладает башкирское и татарское население, владеющее, кстати, русским языком, выучить язык своих соседей хотя бы на бытовом уровне?

— Для этого нужно усилие...

— Усилия необходимы, если не хотим межнационального раздора. А фундаментом или цементирующим составом содружества между народами России, на мой взгляд, должно стать восстановление и упрочение единого культурного пространства. Разве белорус Василь Быков, киргиз Чингиз Айтматов, грузин Нодар Думбадзе, армянин Грант Матевосян — чуждые нам писатели? Айтматов последние свои романы писал по-русски: «Мне не хватает словарного запаса киргизского языка», — говорил он, но жил опытом и страданиями своего народа, и этот опыт он передал нам, носителям русского языка. Что, нам этот опыт не интересен и не полезен? А Айтматов — не один такой, ведь в России за последние полтора столетия родилась и расцвела целая богатейшая ветвь — так называемая «русскоязычная литература». Олжас Сулейменов, кстати, руководитель одного из «круглых столов» на Ассамблее, всю жизнь пишет по-русски, или, точнее, пишет по-казахски на русском языке, вовлекая в русский лингвалитет казахские архетипы, или, как нынче модно говорить, «концепты».

Вспомнят писателя, а не ракету

— Это примеры из высокого личностного ряда. Есть из другого уровня?

— Я получил возможность ездить за рубеж только со времён перестройки, но успел побывать в Италии, Чехии, Польше, Германии, Китае, Болгарии, США. И каждый раз, когда говорю, что из России, слышу от самых разных людей: «О, Достоевский! О, Толстой, Чехов!..» Возможно, они и не читали книг этих гениев, но важно, что человек из России ассоциируется у них с этими именами, с русской литературой, а не с автоматом Калашникова или с ракетами «Тополь». Китайские студенты, изучающие русский, просят называть их русскими именами «Оля», «Вася», «Дима». Им так интереснее погружаться в наш язык, который они и учить-то стали потому, что влюблены в русскую литературу.

— Но вот у нас сегодня литературу заменили для многих телевизор и компьютер...

— Это враньё, что сегодня молодым ребятам неинтересно читать и учиться. Я их вижу каждый день. Им неинтересно, когда неинтересно учат, а когда — наоборот, студенты уважительно говорят: «Он сечёт!» и с таких лекций не сбегают. Замечательно, что у них теперь есть в распоряжении гениальное изобретение — компьютер и Интернет — великолепный помощник, несмотря на груды мусора в нём.

Телевизор? Когда по телевидению выступал учёный, литературовед Юрий Лотман — казалось бы, «говорящая голова», — всякий, кто случайно нажал на кнопку, так и оставался у экрана. Или когда Андрей Максимов вёл беседу с Владимиром Маканиным, замечательным писателем, человеком скромным и тихим, никак не похожим на телезвезду. Передача так понравилась самым разным зрителям, что её не стали впихивать в формат, а показывали с продолжением,

словно какой-нибудь телесериал... Это неверно, что на вкус, на цвет товарищей нет. Есть!

«Плотницкие» рассказы

— Вы, кажется, в состоянии убедить в необходимости этих ценностей — интеллекта, интеллигентности — любого...

— Стараемся по мере сил. И не только словами, но, так сказать, наглядной агитацией. На Таватуе, где дали нашему вузу участок, я кое-чему научился. И печь собрал — по книжке, правда, с третьего захода. И весь второй этаж смастерил от и до. И когда сосед, опытный плотник и столяр, пытался мне доказать, что преподавать и книжки писать несложно, а вот его ремесло для интеллигента, как я, — нечто непостижимое, то я уже знал, что ему ответить.

— Какие же контраргументы вы нашли?

— А очень простые. Сказал ему, что, кое-что смастерив на даче собственными руками, я понял: для такой работы нужен, во-первых, ладный инструмент и, во-вторых, элементарное желание разобраться, как эта штука делается. Предложил ему, как говорят, «махнуться»: я за неделю проработаю учебник по его специальности и сделаю табуретку. Не что-нибудь сложное, но табуретку точно сколочу нормальную.

— А он что должен был делать?

— За тот же срок подготовить лекцию. Поразмыслив, мой оппонент от обмена отказался. Насчёт табуретки он поверил. И, наверное, до него дошло: чтобы написать лекцию, не неделю учиться надо, а надо прожить над нею ещё одну новую жизнь...

Разговаривала Екатерина ШАКШИНА. Фото Евгении ЛЯЛИНОЙ. veshak@urn.ru [1]

Категория:

[«Другая» литература](#) [2]

Source URL: <http://46.45.32.78:8080/news/pamyati-nl-leydermana-uchyonogo-literaturoveda-i-grazhdanina>

Ссылки

[1] <mailto:veshak@urn.ru>

[2] <http://46.45.32.78:8080/mmc/drugaya-literatura>